

Сказка о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. Русская народная сказка

1.

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своим маленьким ребятишкам; пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночку; от одной ночки две ночки, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет. Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под добало (?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом: «Будь ты, — говорят, — нашим судьей».

Сом послал за ершом — добрым человеком и говорит: «Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?» — «Потому, — говорит, — я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу и доверху и запустело». — «Ни вовек, — говорит рыба-сом, — наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?» — «Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: сорóга-рыба на пожаре была, глаза запалила, и понынче у нее красны».

И посылает сом-рыба за сорóгой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых, зовут сорóгу-рыбу: «Сорóга-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». Сорóга-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом: «Здравствуй, сорóга-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» — «Ни вовек-то, — говорит сорóга-рыба, — не гарывало наше озеро!» Говорит сом-рыба: «Слышишь, ерш, добрый человек! Сорóга-рыба в глаза обвинила». А сорóга тут же примолвила: «Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает: «Есть же у меня, — говорит, — в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: окунь-рыба на

пожаре был, головешки носил, и поныне у него крылья красны». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: «Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» — «Ни вовек-то, — говорит, — наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповаает, говорит сом-рыбе: «Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: щука-рыба, вдова честная, притом не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила, и понынче черна». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: «Щука-рыба! Зовет рыба-сом с большим усом пред свое величество». Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась: «Здравствуй, ваше величество!» — «Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притом же ты и не мотыга! — говорит сом. — Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвечает: «Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, а на бога уповаает: «Есть же, — говорит, — у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче он черен». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят к налиму-рыбе и говорят: «Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». — «Ах, братцы! Нате вам гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьям не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу». Эти государские посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю.

По ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил; пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр. «Куда вас черт понес?» — говорит им ерш. Услыхали рыбаки ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку: «Наварю, — говорит, — уши, да и скушаю». Тут и смерть ершова!

2.

Жил-был ершишка в барском домишке — брюханишка, ябедничишка! Проскудалось ершу, прибеднялось ему; поехал ершишка в Ростовское озеро на худеньких санишках об трех копылишках. Закричал ершишка своим громким голосишком: «Рыба севрюга, калуга, язи, головли, последняя рыбка плотичка-сиротичка! Пустите меня, ерша, в озеро погулять. Мне у вас не год годовать, а хотя один час попировать, хлеба-соли покушать да речей послушать». Согласилась вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли, маленькая рыбка плотичка-сиротичка пустить ерша в озеро на один час погулять.

Ерш погулял один час и стал всю рыбу обижать, к тине-плотине прижимать. Живой рыбе в обиду то показалось, пошла на ерша просить к Петру-осетру праведному: «Петр-осетр праведный! За что нас ерш обижает? Выпросился он на один час в наше озеро побывать, да всех нас с озера и стал выгонять. Разбери и рассуди, Петр-осетр праведный, верою и правдою». Петр-осетр праведный послал малую рыбу пескаря искать ерша. Пескарь искал ерша в озере, да и не мог сыскать. Петр-осетр праведный послал среднюю рыбу щуку искать ерша.

Щука в озеро нырнула, хвостом плеснула, ерша в коргах нашла: «Здоров, ершишка!» — «Здравствуй, щучишка! Зачем ты пришла?» — «К Петру-осетру праведному звать на честь, не посадит ли тебя на цепь; на тебя есть просители». — «Кто же там просит?» — «Вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли и последняя рыба плотичка-сиротичка — и та на тебя просит, да еще сом, мужик простой, губы толстые и говорить не умеет, — и тот на тебя челобитную подал: пойдём-ка, ерш, разделаемся, что на суде по правде скажут». — «Нет, щучишка! Не лучше ли дело так будет: пойдём со мною, погуляем». Щука не соглашается с ершом гулять, а хочет ерша на суд праведный тащить, как бы поскорей его осудить. «Ну, щука, хоть ты с рыла и востра, да не возьмишь ерша с хвоста! А вот нынче суббота, у моего отца девишник — пир да веселье; пойдём лучше, попьем, погуляем вечерок, а завтра, хоть и воскресенье, пойдём — так и быть — на суд праведный; по крайней мере не голодные будем».

Щука согласилась и пошла с ершом гулять; ерш напоил ее пьяною, за пелёду засадил, дверью затворил и кольем заколотил.

Долго ждали на суд шуку и не дождались. Петр-осетр праведный послал за ершом большую рыбу-сом. Сом в озеро нырнул, хвостом плеснул, ерша в коргах нашел. «Здравствуй, зятюшка!» — «Здоров, тестюшка!» — «Пойдем, ерш, на суд праведный; на тебя есть просители». «Кто же просит?» — «Вся рыба севрюга, калуга, все язи, головли и маленькая рыбка плотичка-сиротичка!» Ерш-то сому зять: сумел его сом в руки взять и самолично привел на суд праведный. «Петр-осетр праведный, зачем меня требовал наскоро?» — спросил ерш. «Как тебя было не требовать? Ты в Ростовское озеро выпросился один час погулять, а потом всех с озера и стал выживать. Живой рыбе то за досаду показалось; вот собралась рыба севрюга, калуга, язи, головли и малая рыбка плотичка-сиротичка и самолично подала мне на тебя челобитную: разбери-де, Петр-осетр, это дело правдою!» — «Ну, послушай же, — отвечает ерш, — и мою челобитную: они сами обидчики, межи-борозды вытерлись, а берега водою подмыло, а я ехал тем берегом вечером поздно, торопился, резко гнал, да с берега в озеро попал, так и свалился с землею! Петр-осетр праведный, прикажи собрать государевых рыбаков да раскинуть неводы тонкие, погони рыбу в одно устье; тогда узнаешь, кто прав, а кто виноват: правый в неводе не останется, а все выскочит».

Петр-осетр праведный выслушал его челобитную, собрал государевых рыбаков и погнал всю рыбу в одно устье. На почине ершишка попал в неводишка, шевельнулся, ворохнулся, глазенки вытаращил и с неводу вперед всех выскочил. «Видишь, Петр-осетр праведный, кто прав, кто виноват?» — «Вижу, ерш, что ты прав; ступай в озеро да гуляй. Теперь никто тебя не обидит, разве озеро высохнет да ворона тебя из грязи вытащит». Пошел ершишка в озеро, при всех похваляется: «Добро же, рыба севрюга, калуга! Достанется вам и всем язям, головлям! Да не прошу и маленькую рыбку плотичку-сиротичку! Да достанется и сому толстобрюхому: ишь, говорить не умеет, губы толсты, а знал, как челобитную подавать! Всем отплачу!» Шел Любим, ершовой похвалы не возлюбил; шел Сергей, нес охапку жердей; пришел бес, заколотил ез; пришел Перша, поставил на ерша вершу; пришел Богдан, ерша в вершу бог дал; пришел Устин, стал вершу тащить, да ерша упустил.

3.

1729 года, месяца сентября 16 числа

Зародился ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Шиловатый хвост,
Слюноватый нос,
Киловатая брюшина,
Лихая образина,
На роже кожа — как елова кора.
Прижилось, прискудалось
Ершишку-плутишку
В своем славном Кубинском озере,
Собрался на ветхих дровнишках
С женою и детишкам,
Поехал в Белозерское озеро,
С Белозерского в Корбозерское,
С Корбозерского в Ростовское:
«Здравствуйте, лещи,
Ростовские жильцы!
Пустите ерша пообедать
И коня покормить».
Лещи распространились,
Ерша к ночи пустили.
Ерш где ночь ночевал,
Тут и год годовал;
Где две ночевал,
Тут два года годовал;
Сыновей поженил,
А дочерей замуж повыдал,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота,
Пропасти земные.
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Белого свету не видали;
С того лещи
С голоду помирали,

Сбиралися лещи в земскую избу,
И думали думу заедино,
И написали просьбу,
И подавали Белозер-Палтос-рыбе:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему ершишко-плутишко,
Худая головишко,
Разжился, распоселился
В нашем Ростовском озере
И изогнал нас, лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года мы, лещи,
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали;
С того мы, лещи,
И с голоду помирали.
Есть ли у него на это дело
Книги, отписи и паспорта какие?»
И думали думу заедино
Щука ярославска,
Другая переславска,
Рыба-сом с большим усом:
Кого послать ерша позвать?
Менька послать —
У него губы толстые,
А зубы редкие,
Речь не умильна,
Говорить с ершом не сумеет!
Придумала рыба-сом
С большим усом:
Послать или нет за ершом гарьюса;
У гарьюса губки тоненьки,
Платьице беленько,
Речь московска,

Походка господска.
Дали ему окуня рассыльным,
Карася пятисотским,
Семь молей, поняты́х людей.
Взяли ерша,
Сковали, связали
И на суд представили.
Ерш пред судом стоит
И с повадкой говорит:
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
Почему меня на суд повещали?» —
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Почему ты разжился и расселился
В здешнем Ростовском озере,
Изогнал лещов,
Ростовских жильцов,
Во мхи и болота
И пропасти земные?
Три года лещи
Хлеба-соли не едали,
Три года лещи
Хорошей воды не пивали,
Три года лещи
Свету белого не видали,
И с того лещи
С голоду помирают.
Есть ли у тебя на это дело
Книги, отписи и паспорта какие!» —
«Матушка Белозер-Палтос-рыба!
В память или нет тебе пришло:
Когда горело наше славное
Кубинское озеро,
Там была у ершишка избишка,
В избишке были сенишки,
В сенишках клетишко,
В клетишке ларцишко,
У ларцишка замчишко,
У замчишка ключишко, —

Там-то были книги и отписи
И паспорта, и все пригорело!
Да не то одно пригорело;
Был у батюшки дворец
На семи верстах,
На семи столбах,
Под полатями бобры,
На полатях ковры —
И то все пригорело!»
А рыба-семга позади стояла
И на ерша злым голосом кричала:
«Ах ты, ершишко-плутишко,
Худая головишко!
Тридцать ты лет
Под порогом стоял,
И сорок человек
Разбою держал,
И много голов погубил,
И много живота притопил!»
И ершу стало азартно;
Как с рыбою-семгою не отговориться?
«Ах ты, рыба-семга, бока твои сальны!
И ты, рыба-сельдь, бока твои кислы!
Вас едят господа и бояра,
Меня мелкая чета крестьяна —
Бабы щей наварят
И блинов напекут,
Щи хлебают, похваляют:
Рыба костлива, да уха хороша!»
Тут ерш с семгой отговорился.
Говорит Белозер-Палтос-рыба:
«Окунь-рассыльный,
Карась-пятисотский,
Семь молей, поняты́х людей!
Возьмите ерша».
А ерш никаких рыб не боится,
Ото всех рыб боронится.
Собрался он, ершишко-плутишко,
На свои на ветхие дровнишки

С женою и детишкам
И поезжает в свое славное
В Кубинское озеро.
Рыба-семга хоть на ерша
Злым голосом кричала,
Только за ершом вслед подавалась:
Ах ты, ершишко-плутишко.
Худая головишко!
Возьми ты меня в свое славное
В Кубинское озеро —
Кубинского озера поглядеть
И Кубинских стáнов посмотреть».
Ерш зла и лиха не помнит,
Рыбу-семгу за собой поводит.
Рыба-семга идучи устала,
В Кубинском устье вздремала
И мужику в сеть попала.
Ерш назад оглянулся,
А сам усмехнулся:
«Слава тебе господи!
Вчера рыба-семга
На ерша злым голосом кричала,
А сегодня мужику в сеть попала».
Ерш семге подивовал
И сам на утренней зоре вздремал,
Мужику в морду попал.
Пришел Никон,
Заколил прикол;
Пришел Перша,
Поставил вершу;
Пришел Богдан,
И ерша бог дал;
Пришел Вавила,
Поднял ерша на вила;
Пришел Пимен,
Ерша запíнил;
Пришел Обросим,
Ерша оземь бросил;
Пришел Антон,

Завертел ерша в балахон;
Пришел Амос,
Ерша в клеть понес;
Идет Спира,
Около ерша стырит;
Амос Спиру
Да по рылу.
«Ах ты, Спира!
Над этакой рыбой стыришь;
У тебя этака рыба
Век в дому не бывала!»
Пришел Вася,
Ерша с клетки слясил;
Пришел Петруша,
Ерша разрушил;
Пришел Савва,
Вынял с ерша полтора пуда сала;
Пришел Иуда,
Расклат ерша на четыре блюда;
Пришла Марина,
Ерша помыла;
Пришла Акулина,
Ерша подварила;
Пришел Антипа,
Ерша стипал;
Пришел Алупа,
Ерша слупал;
Пришел Елизар,
Блюда облизал;
Пришел Влас,
Попучил глаз;
Пришла Ненила
И блюда обмыла!

4.

Список с судного дела слово в слово, как был суд у Леща с Ершом:

«Рыбам господам: великому Осетру и Белуге, Белой-рыбице, бьет челом Ростовского озера сынчишко боярской Лещ с товарищи. Жалоба, господа,

нам на злого человека на Ерша Щетинника и на ябедника. В прошлых, господа, годах было Ростовское озеро за нами; а тот Ерш, злой человек, Щетинник(ов) наследник, лишил нас Ростовского озера, наших старых жиров; расплодился тот Ерш по рекам и по озерам; он собою мал, а щетины у него аки лютые рох(г)атины, и он свидится с нами на стану — и теми острыми своими щетинами подкалывает наши бока и прокалывает нам ребра, и суется по рекам и по озерам, аки бешеная собака, путь свой потеряв. А мы, господа христиански, лукавством жить не умеем, а браниться и тягаться с лихими людьми не хотим, а хотим быть оборонены вами, праведными судьями».

Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, истцу Лещу отвечаешь ли?» Ответчик Ерш рече: «Отвечаю, господа, за себя и за товарищев своих в том, что то Ростовское озеро было старина дедов наших, а (и) ныне наше, и он, Лещ, жил у нас в суседстве на дне озера, а на свет не выхаживал. А я, господа, Ерш, божиею милостию, отца своего благословением и матерними молитвами не смутщик, не вор, не тать и не разбойник, в приводе нигде не бывал, воровского у меня ничего не вынимывали; человек я доброй, живу я своею силою, а не чужою; знают меня на Москве и в иных великих городах князи и бояря, стольники и дворяня, жильцы московские, дьяки и подьячие, и всяких чинов люди, и покупают меня дорогою ценою и варят меня с перцом и с шав(ф)раном, и ставят пред собою честно, и многие добрые люди кушают с похмелья и, кушавши, поздравляют».

Судьи спрашивали истца Леща: «Ты, Лещ, чем его уличаешь?» Истец Лещ рече: «Уличаю его божиею правдою да вами, праведными судьями». Судьи спрашивали истца Леща: «Кому у тебя ведомо про Ростовское озеро и о реках и о востоках и на кого шлешься?» Истец Лещ рече: «Шлюся я, господа, из виноватых на добрых людей разных городов и области; есть, господа, человек доброй, живет в немецкой области под Иваном-городом в реке Нарве, по имени рыба Сиг, да другой, господа, человек доброй, живет в Новгородской области в реке Волхове, по имени рыба Лодуга».

Спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на лещову правду, на таковых людей?» И ответчик Ерш рече: «Слатися, господа, нам на таковых людей не уметь; Сиг и Лодуга — люди богатые, животами прожиточны, а Лещ такой же человек заводной, шлем(т)ся в послушество». И судьи спрашивали ответчика Ерша: «Почему у тебя такие люди недрузья и какая у тебя с ними недружба?» Ответчик Ерш рече: «Господа мои судьи! Недружбы у нас с ними никакой не было, а слатися на них не смеем — для того что Сиг и Лодуга люди великие, а Лещ такой же человек заводной; они хотят нас,

маломочных людей, испродать напрасно».

Судьи спрашивали истца Леща: «Еще кому у тебя ведомо Ростовское озеро и о реках и о востоках, и на кого шлешься?» Истец Лещ рече: «Шлюсь я, господа, из виноватых есть человек доброй, живет в Переславском озере, рыба Сельдь». Судьи спрашивали ответчика Ерша: «Ты, Ерш, шлешься ли на лещовую правду?» Ответчик же Ерш рече: «Сиг, и Лодуга, и Сельдь с племяни, а Лещ такой же человек заводной: в суседстве имаются, где судятся — едят и пьют вместе, про нас не молвят».

И судьи послали пристава Окуня и велели взять с собою в понятых Мня, приказали взять в правде переславскую Сельдь. Пристав же Окунь емлет в понятых Мня, и Мень Окуню-приставу сулит посулы великие и рече: «Господине Окуне! Аз не гожуся в понятых быть: брюхо у меня велико — ходить не смогу, а се глаза малы — далеко не вижу, а се губы толсты — перед добрыми людьми говорить не умею». Пристав же Окунь емлет в понятых Головля и Язя. И Окунь поставил в правде переславскую Сельдь. И судьи спрашивали в правде у переславской Сельди: «Сельдь, скажи ты нам про Леща, и про Ерша, и промеж ими про Ростовское озеро». Сельдь же рече в правде: «Леща с товарищи знают; Лещ человек доброй, христианин божий, живет своею, а не чужою (силою); а Ерш, господа, злой человек Щетинник».

«...знаешь ли его?» Осетр же рече: «Аз, господа, не в правде и не в послушестве, а впрямь (скажу:) слышал про того Ерша, что сварят его в ухе, а столько не едят, сколько расплюют. Да еще, господа, вам скажу божиею правдою о своей обиде: когда я шел из Волги-реки

к Ростовскому озеру и к рекам жировать и он меня встретил на устье Ростовского озера и нарече мя братом; а я лукавства его не ведал, а спрощать про него, злого человека, никого не лучилось, и он меня вопроси: «Братец Осетр, где идеши?» И аз ему поведал: «Иду к Ростовскому озеру и к рекам жировать». И рече ми Ерш: «Братец Осетр, когда аз шел Волгою-рекою, тогда аз был толще тебя и дóле (долее, т. е. длиннее), бока мои терли у Волги-реки берега, очи мои были аки полная чаша, хвост же мой был аки большой судовой парус; а ныне, братец Осетр, видишь ты и сам, каков я стал скуден, иду из Ростовского озера». Аз же, господа, слышав такое его прелестное слово, и не пошел в Ростовское озеро к рекам жировать; дружину свою и детей голодом поморил, а сам от него вконец погинул. Да еще вам, господа, скажу: тот же Ерш обманул меня, Осетра, старого мужика, и приведе меня к неводу, и рече ми: «Братец Осетр,

пойдем в невод; есть там рыбы много». И я его нача посылати напредь. И он, Ерш, мне рече: «Братец Осетр, коли меньшей брат ходит напредь большего?» И я на его, господа, прелестное слово положился и в невод пошел, обратился в невод да увяз, а невод что боярский двор — идти (войти) ворота широки, а выйти узки. А тот Ерш за невод выскочил в ечею, а сам мне насмехался: «Ужели ты, братец, в неводу рыбы наелся!» А как меня поволокли вон из воды, и тот Ерш нача прощатися: «Братец, братец Осетр! Прости, не поминай лихом». А как меня мужики на берегу стали бить дубинами по голове и я нача стонать, и он, Ерш, рече ми: «Братец Осетр, терпи Христа ради!»

Конец судного дела. Судьи слушали судного дела и приговорили: Леща с товарищи оправить, а Ерша обвинить. И выдали истцу Лещу того Ерша головою и велели казнить торговою казнию — бити кнутом и после кнута повесить в жаркие дни против солнца за его воровство и за ябедничество. А у судного дела сидели люди добрые: дьяк был Сом с большим усом, а доводчик Карась, а список с судного дела писал Вьюн, а печатал Рак своей заднею клешнею, а у печати сидел Вандыш переславский. Да на того же Ерша выдали правую грамоту, где его застанут в своих вотчинах, тут его без суда казнить.

Речет Ерш судьям: «Господа судьи! Судили вы не по правде, судили по мзде. Леща с товарищи оправили, а меня обвинили». Плюнул Ерш судьям в глаза и скочил в хвост: только того Ерша и видели.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.